

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Е. М. АВРААМОВА

Рост материальной обеспеченности населения: благодаря чему и с какими последствиями?*

На основе социологических исследований автор дает ответы на ряд вопросов: появился ли массовый слой с относительно высоким уровнем материальной обеспеченности? за счет каких ресурсов это стало возможным? какие возможности открываются благодаря появлению такого слоя, что остается недостижимым? стал ли этот слой потенциальным субъектом модернизации?

Ключевые слова: доходы населения, материальная обеспеченность, класс, субъект модернизации, успешное трудоустройство.

Basing on case studies the author provides answers to important questions of Russian modernization. Is there a massive layer with a relatively high level of material security? On what resources it has become possible? What are the opportunities offered by the emergence of such a layer and what is inaccessible? Did this layer become a potential subject of modernization?

Keywords: household income, material security, the class, the subject of modernization, the successful employment.

Модернизация экономики, общества и политической системы не сходит с российской повестки дня. Напротив, все эти вопросы стали острее в период выборов 2011–2012 гг., с началом нового политического цикла. Их актуальность связана с тупиковым, по мнению многих экспертов, сырьевым типом экономического развития страны, с отсутствием условий честной экономической и политической конкуренции, затрудненным движением социальных лифтов. Причина этих явлений многим видится в дефектах институциональной системы, не пропускающей “воздух”, этот “недостаток кислорода” и есть причина экономического и социального торможения. По существу, “модернизация” – термин, имеющий емкое теоретическое содержание, стал эвфемизмом перемен, с одной стороны, необходимых, а с другой – еще недостаточно продуманных и оформленных, что стало ясно из анализа альтернативных программ, представленных политическими лидерами.

Притом, что необходимость модернизации не отрицается большинством ключевых субъектов социально-политического процесса, признаков ее наступления немного, они носят, что называется, очаговый характер и локализируются либо структурно

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 13-02-00170).

(например, нанотехнологии), либо территориально (например, Сколково). Из этого можно заключить, что реально заинтересованного в модернизации субъекта просто нет или он слишком слаб, чтобы отстаивать и продвигать свои экономические и политические интересы.

Разные аспекты данной проблематики широко обсуждаются специалистами. Я же остановлюсь на одном вопросе: существует ли внеэлитный социальный слой, объективно заинтересованный в модернизации, безотносительно к тому, проблематизирован и вербализирован этот интерес.

За время экономического роста расширился социальный слой, располагающий относительно высокими доходами. Чем же является материальное благополучие данного слоя – фактором, повышающим удовлетворенность текущей ситуацией и, значит, тормозящим формирование модернизационных ориентаций, или, напротив, фактором, стимулирующим модернизационные ориентации? Для ответа на этот вопрос потребуется выяснить:

– появился ли массовый слой, располагающий относительно высоким уровнем материальной обеспеченности;

– за счет каких ресурсов это стало возможным;

– какие возможности открываются благодаря достижению относительно высокого материального положения и какие возможности остались недостижимыми.

Появился ли массовый слой, располагающий относительно высоким уровнем материальной обеспеченности?

Официальные статистические данные [Социальное... 2010] показывают, что среднедушевые месячные денежные доходы населения выросли с 2002 по 2010 г. с 3947 руб. до 18 722 руб., то есть примерно в 6 раз. Оценки специалистов скромнее. По данным, которые приводит Н. Зубаревич (“Новая газета”, 14 марта 2012 г.), за период 2008–2011 гг. *реальные* доходы выросли лишь на 6%, причем рост отмечался преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге и крупнейших городах, а также территориях повышенного внимания власти (республиках Северного Кавказа, Приморском крае). Тем не менее субъективные данные, представленные результатами опроса населения [Общественное... 2011], также свидетельствуют о росте общей удовлетворенности и улучшении ситуации. Из данных таблицы 1 видно, что доля населения, относящая себя к выигравшим от перемен, происходивших в последние годы в стране, растет. Падение данного показателя, связанное с последствием мирового финансового кризиса, преодолено, и к настоящему времени эта доля приближается к 30%.

Основной источник доходов – оплата труда, доля которой в общих доходах населения представляет практически не изменяющуюся величину – 65,8% в 2002 г. и 66,4% в 2010 г. [Социальное... 2010]. Вместе с тем выигрыш, как следует из таблицы 2 [Общественное... 2011], не столь велик. Во многом он определяется расширением группы, чей уровень материальной обеспеченности определяется следующими характеристиками: “хватает на еду и одежду, но приобретение товаров длительного пользования представляет собой проблему”. А размер группы, характеризующей свое материальное положение как “хватает на еду, одежду и предметы длительного пользования, но приобретение дорогих вещей является проблемой”, вдвое увеличился в период с 2001 по 2007 г., но затем замер на уровне 15%.

Из приведенных данных следует, что в предшествующее десятилетие должен был отмечаться, с одной стороны, рост потребления товаров длительного пользования, а с другой – рост частных сбережений. Что касается роста потребления, то, как видно из таблицы 3, он имел место, причем основная позитивная динамика коснулась именно приобретения непродовольственных товаров. Что же касается сбережений, то данные официальной статистики дают некоторое представление о тенденциях их формирования. Так, из таблицы 4 видно, что растут депозиты физических лиц. Рост за период с начала 2007 г. до начала 2008 г. составил 1349,5 млрд руб., с начала 2008 г. по начало 2009 г. – 747,8 млрд руб., а с начала 2009 г. по начало 2010 г. – 1578 млрд руб. Таким

Как вам кажется, лично вы, ваша семья выиграли или проиграли от перемен, которые происходят в стране в последние годы?

	1999 г. декабрь	2006 г. декабрь	2007 г. декабрь	2009 г. декабрь	2010 г. октябрь	2011 г. октябрь
Выиграли	10	22	29	23	19	29
Проиграли	74	57	41	50	51	50
Затруднились ответить	16	21	30	27	30	22

Таблица 2

К какой группе вы отнесли бы свою семью?

	2001 г. ноябрь	2007 г. ноябрь	2009 г. декабрь	2010 г. декабрь	2011 г. декабрь
Денег не хватает даже на продукты	22	14	11	9	9
На продукты хватает, но покупка одежды вызывает затруднения	44	33	35	31	30
Хватает на продукты и одежду, но приобретение товаров длительного пользования является проблемой	27	37	41	45	46
Доступно все, кроме действительно дорогих вещей	7	15	13	15	15
Можем позволить себе все	0	1	1	1	1

образом, сформировавшаяся тенденция роста организованных сбережений, ослабевшая в период острой фазы финансово-экономического кризиса, через короткое время укрепилась и даже усилилась. Вместе с тем обнаружилась высокая гибкость финансового поведения населения (быстрый отток, затем приток сбережений, изменение форм их хранения).

Об этом же говорят данные социологических исследований. Так, измеряющийся на протяжении ряда лет индекс потребительских ожиданий (см. http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_01/IssWWW.exe/Stg/d09/3-1-4.htm) продемонстрировал те же тенденции: рост склонности к сбережениям (одновременно с ростом склонности к потреблению) с провалом соответствующих индексов в активной фазе кризиса (см. рис. 1).

Исследование Независимого института социальной политики «Влияние кризиса 2008–2009 гг. на изменение экономического положения, сберегательного и кредитного поведения населения»¹ показало, что к сберегателям можно отнести 40% домохозяйств. Интересно, что подобное соотношение (40% сберегателей и 60% несберегателей) фиксируется начиная с 1996 г., когда Институт социально-экономических проблем народонаселения предпринял масштабное исследование сберегательного поведения населения [Аврамова, Овчарова, 1997]. Выход страны из глубокого экономического кризиса, переход к экономическому росту и сопутствующий рост доходов не поколебали это соотношение, что может свидетельствовать как о сохраняющейся достаточно высокой социально-экономической дифференциации населения, так и о его высокой потребительской активности в «тучные годы», отвлекающей средства от сбережений.

¹ Проведено в 2010 г.; было опрошено 3140 российских домохозяйств.

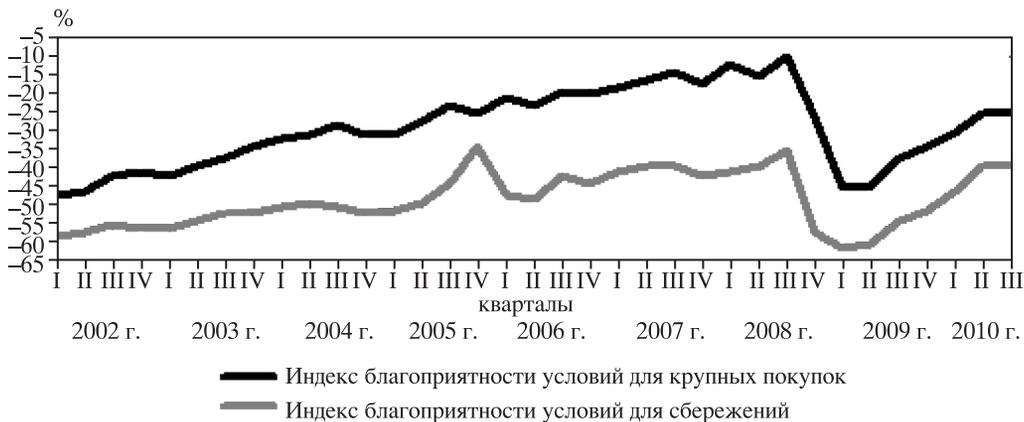

Рис. 1. Оценка текущих условий для крупных покупок и сбережений.

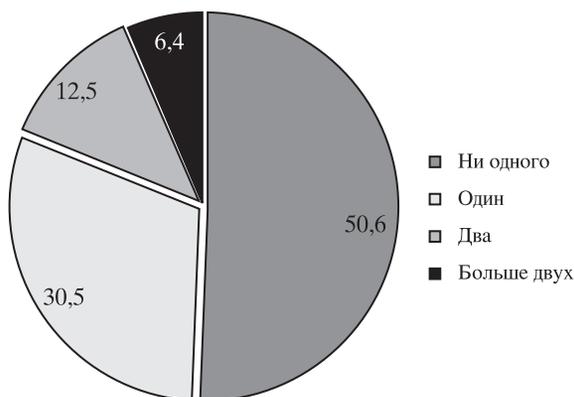

Рис. 2. Число имевшихся видов кредитования.

О том, что сбережения играют роль “подушки безопасности”, свидетельствуют данные об изменении экономического положения в связи с кризисом 2008 г. (см. табл. 5). В ходе упомянутого исследования об ухудшении своего материального положения сообщили 32% имеющих сбережения и только 18% – их не имеющих. Напротив, об ухудшении ситуации говорят 17% имеющих сбережения и 29% – не имеющих.

Высокая потребительская активность выплеснулась в иную, по сравнению со сберегательным, форму финансового поведения – обращение к кредитам. Эта форма, как выяснилось в результате опроса, распространяется на половину обследованных домохозяйств (49,4% брали какие-либо кредиты; 59,6% не брали). Более того, около 20% респондентов обращались к кредитам более одного раза (см. рис. 2). Наиболее активными заемщиками являются молодые семьи, среди которых 70% использовались кредитами. Наименее активными (около 20%) оказались семьи пенсионеров. Большинство кредитов расходуется на покупку бытовой и компьютерной техники, меньшинство – на образование и медицину. Если сгруппировать цели кредитования по степени распространенности, вырисовываются следующие предпочтения:

- приобретение бытовой и компьютерной техники (68% от всех, бравших кредит);
- приобретение мебели, автомобиля (соответственно, 22% и 26% от всех, бравших кредит);

Потребительские расходы домашних хозяйств в среднем на члена домохозяйства в год (в руб.)

2000 г.	2005 г.	2009 г.
	Покупка продовольственных товаров	
6863	16 875	31 812
	Приобретение непродовольственных товаров	
4766	19 636	39 399
	Оплата услуг	
1909	11 936	27 950
	Всего	
13 882	50 870	10 427

Таблица 4

Вклады физических лиц, привлеченные кредитными организациями (на начало года; млрд руб)

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
	В кредитных организациях*			
Всего	3809,7	5159,2	5907,0	7485,0
в том числе:				
на рублевых счетах	3179,8	4492,9	4332,7	5511,1
на валютных счетах	629,9	666,3	1574,3	1973,9
	из них в Сбербанке России**			
Всего	2028,6	2656,5	3089,4	3741,9
в том числе:				
на рублевых счетах	1771,0	2391,9	2571,8	3135,2
на валютных счетах	257,6	264,6	517,6	606,7
Средний размер вклада (депозита)				
на рублевых счетах, руб.	6373	8221	8469	9901
на валютных счетах, руб.	73 832	75 541	125 942	138 149
Объем вкладов (депозитов) на душу населения				
на рублевых счетах, руб.	12 452	16 841	18 123	22 092
на валютных счетах, руб.	1811	1863	3648	4275

*По данным Банка России.

**По оперативным данным Сбербанка России.

Источник: "Цены в России – 2010" (http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_17/IssWWW.exe/Stg/01-05.htm).

– покупка недвижимости, ремонт или благоустройство жилья (12% от всех, бравших кредит);

– образовательные услуги (6,8% от всех, бравших кредит);

– медицинские услуги (3% от всех, бравших кредит).

Итак, можно заключить, что в двух столицах и крупнейших городах расширился слой населения, чьи доходы выросли, несмотря на кризис 2008 г. Рост доходов сопровождался высокой потребительской активностью, причем в основном это касалось приобретения товаров длительного пользования. Потребительская активность сопровождалась обращением к кредитам как форме финансового поведения, преобладающей по сравнению со склонностью к сбережениям у молодых семей.

За счет каких ресурсов стал возможен рост материальной обеспеченности?

Один ответ на этот вопрос уже найден – это проживание в Москве, Санкт-Петербурге, в крайнем случае – областных столицах. Второй ответ – за счет создания и наращивания образовательного потенциала. Из данных статистики следует, что образовательный потенциал российского населения неуклонно растет [Индикаторы... 2010] и преимущественно за счет увеличения численности обучающихся в высших учебных заведениях. Так, если соответствующую численность в 2000 г. взять за 100%, то в 2008 г. высшее профессиональное образование получали 158,5%, а среднее профессиональное образование – 95,1%. Отношение численности приема в высшие учебные заведения к численности возрастной когорты 17-летних в 2010 г. достигло 90% [Итоговый...]. Авторы Итогового доклада, посвященного обновлению Стратегии-2020, утверждают, что высшее образование стало обязательным условием *любой* трудовой карьеры. Вместе с тем они же считают, что современные выпускники высших учебных заведений – люди с развитыми социальными навыками и большими запросами, но низким профессиональным уровнем. Они предъявляют высокие требования к уровню ожидаемого вознаграждения и качеству рабочего места, где отсутствует ручной и монотонный труд, но присутствует высокая доля коммуникаций и гибкий график. Поскольку численность подобных рабочих мест ограничена, высшее образование, которое, как показывают социологические исследования, фиксирующие ситуацию с середины 1990-х гг., хотя и дает преимущества для вхождения в сегменты рынка труда, гарантирующие более высокий уровень оплаты труда, чем в среднем по экономике, является необходимым, но не достаточным конкурентным преимуществом. Исследования показывают, что сам по себе диплом о высшем образовании недостаточен для решения задачи эффективного трудоустройства и должен быть подтвержден определенным социальным ресурсом [Авраамова, 2008; 2010].

Таким образом, третий важный ресурс роста благосостояния – накопление социального капитала. Ресурсом повышения материального благосостояния в современной России становятся умение и возможность оказаться “в нужное время в нужном месте”. Эти умения и возможности определяются наличием и объемом социальных ресурсов, прежде всего образовательного и социального.

Что касается социального ресурса или социального капитала, то в последнее время ему придается все большее значение, причем и с положительной, и с отрицательной коннотациями. Так, на встрече В. Путина с ведущими экономистами, последовавшей за Давосским форумом 2012 г., вельась речь о необходимости развития национального социального капитала как неперемennого условия экономического роста. И хотя присутствовавшие на встрече не расшифровывали содержание этого термина, можно было понять, что речь идет о двух вещах. Во-первых, о росте институционального доверия, а во-вторых, о росте социальной сплоченности. И то и другое, безусловно,

Таблица 5

Изменения материального положения в результате кризиса в зависимости от наличия сбережений

Изменение материального положения в результате кризиса	Число респондентов, %		
	Вся выборка	Имеющие сбережения	Не имеющие сбережений
Улучшилось	23,5	31,6	18,4
Не изменилось	51,7	50,7	52,1
Ухудшилось	24,8	17,7	29,5
Всего	100	100	100

имеет ключевое значение и прямо влияет на скорость и качество экономического роста. Институциональное доверие – поскольку только в ситуации доверия граждан к основным государственным институтам, начиная с полиции и судебной системы и кончая финансовыми институтами, возможно формирование долгосрочных социально-экономических стратегий, имманентных устойчивому развитию и добросовестной конкуренции. Социальная сплоченность – поскольку является базовой характеристикой гражданского общества, важнейшая функция которого – гражданский контроль над означенными институтами. В этом состоит признанное позитивное значение социального капитала.

Вместе с тем рядом специалистов установлена его противоречивая роль. По моему мнению, важен не только масштаб доверия (простирается ли оно вплоть до базовых государственных институтов или ограничивается друзьями и родственниками), но и то, является ли социальный капитал “прямым ресурсом”, когда индивид действует как член сплоченного гражданского общества на основании институционального доверия или “замещающим ресурсом”, когда, напротив, он действует, используя наработанные социальные связи, замещающие или компенсирующие дефицит прямых ресурсов – образования, квалификации и пр. [Коулман, 2001].

О данном противоречии напоминает Н. Плискевич, когда приводит критику Р. Инглхартом и К. Вельцелем Р. Флориды, разработавшего, опираясь на исследования Р. Патнэма, “индекс креативности” [Плискевич, 2012]. Флорида приходит к заключению, что выделенные Патнэмом города с высоким уровнем социального капитала имеют низкие уровни креативности. Наиболее высокий рейтинг социального капитала у Патнэма отмечен в небольших американских городах, охваченных стагнацией, в нижней же части этого рейтинга оказалась Кремниевая долина. Ослабленные социальные связи в таких креативных центрах становятся, по мнению Флориды, ключевым механизмом для мобилизации иных социальных ресурсов, а также идей и информации как при поиске людьми работы, так и при принятии решений различных проблем, запуске новых видов продукции и организации предприятий. В стагнирующих же точках социальный капитал играет именно компенсирующую роль [Флорида, 2005; Putnam, 2000].

Определенное прояснение этого противоречия можно найти у Инглхарта и Вельцеля, полагающих, что на этапе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу изменяется характер связей, образующих социальный капитал. С одной стороны, они выделяют “скрепляющие” связи, свойственные индустриальному этапу социально-экономического развития с более низким уровнем жизни и соответствующим этому состоянию общества превалированию ценностей выживания. С другой стороны, связи, “наводящие мосты” между представителями разных групп, присущие более высокому уровню социально-экономического развития и господству ценностей самовыражения. Отмечается, что “социальный капитал в постиндустриальных странах не слабеет, а просто принимает иную форму” [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 211].

Таким образом, можно заключить, что в период модернизации слабеет “скрепляющая” функция социального капитала, соответствующая “его традиционному, спаянному, замкнутому, конформистскому типу”, и возрастает функция социального капитала, “наводящего мосты”. В постиндустриальных странах меняется характер социального капитала. Растущая индивидуализация придает людям все большую социальную независимость: социальные контакты, которые они завязывают, становятся результатом их самостоятельного выбора, а не следования навязываемым извне групповым нормам. Этот тип социального капитала в гораздо большей степени способствует развитию тех форм сотрудничества, которые играют центральную роль в условиях “общества знаний” [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 427].

Что же происходит с накоплением социального капитала в современной России и какова его природа? Поскольку, как следует из приведенных теоретических положений, основными категориями, характеризующими социальный капитал, являются *доверие* и *сплоченность*, постараемся выяснить, что происходит именно с ними.

Рис. 3. Ресурсы успешного трудоустройства, 2003 г.

Из таблицы 6 следует, что уровень доверия на протяжении всего постсоветского периода находится на критически низком уровне, причем в России нет государственного или общественного института, которому бы доверяла хотя бы половина населения страны. Особенно катастрофично обстоит дело с доверием метаинститутам – тем, которые по своим функциям должны обеспечивать уровень справедливости, имманентный задачам сохранения социальной безопасности – полиции и судебной системе. По данным Левада-Центра, полиции полностью доверяют 3% российского населения, судебной системе – 4% [Общественное... 2008].

Иная ситуация с формированием социальной сплоченности. Она, как можно предположить, тем выше, чем ниже уровень институционального доверия. Но это специфическая сплоченность, выступающая в виде достаточно замкнутых социальных связей. Попробую показать это на примере результатов исследований, касающихся проблем трудоустройства и трудовой карьеры.

Впервые вопрос о том, какие конкурентные преимущества самые важные при трудоустройстве, мы задали в 2003 г. (опрос старшекурсников вузов, выборка 950 человек; см. рис. 3). Такой вопрос был поставлен в разных исследованиях, посвященных

Таблица 6

В какой мере вы согласны или не согласны со следующим суждением: “Доверять сегодня нельзя никому, разве что самым близким людям?”

	1994 ноябрь	2001 январь	2008 июнь
Совершенно согласен	38	41	33
Скорее, согласен	36	37	40
Скорее, не согласен	14	16	19
Совершенно не согласен	4	4	3
Затруднились ответить	7	3	5
Число опрошенных	3000	1600	1600

*Источник: [Общественное... 2008].

трудоустройству и трудовой мобильности, на протяжении 2000-х гг., и доля тех, кто трудоустроивался благодаря социальным связям, колебалась в интервале 55–65%, но всегда превышала половину опрошенных. Важно отметить, что социальные связи оказывались значимыми не только для столичных жителей, но практически в равной степени и для провинциалов, то есть данный социальный ресурс “работает” как один из основных на всей территории страны.

В 2011 г. мы опросили работников 97 предприятий различных отраслей (всего 245 респондентов – специалистов и руководителей среднего звена). Результаты этого опроса показывают, насколько социальные связи как ресурс карьерных продвижений преобладают над профессиональной квалификацией, а следовательно, насколько *замещающий* ресурс важнее *прямого*. Среди отмеченных механизмов карьерного роста первое место заняла позиция “продвигаются те, кто умеют ладить с начальством” (46,8%), затем следуют те, кто имеют какие-либо связи с начальством (30,1%), и только на третьей, последней, позиции оказалась позиция “продвигаются самые квалифицированные работники” (22,8%).

Исходя из сказанного, можно заключить, что в сложившихся институциональных условиях дефицит институционального доверия компенсируется групповой анклавной сплоченностью, устанавливающей скорее “связи выживания”, чем “связи-мосты” (в терминах Инглхарта и Вельцеля). И в наших условиях эти “связи выживания”, включающие родственников и друзей, оказываются весьма действенными, поскольку достаточно эффективно используются в подлинно важных сферах – трудоустройстве, решении разного рода семейных, бытовых проблем. Но постепенно строятся и “связи-мосты”, правда, преимущественно в on-line пространстве через распространение социальных сетей в Интернете: по данным Левада-Центра [Общественное... 2011], различными социальными сетями охвачены половина пользователей Интернета. Численность же пользователей Интернета в России, согласно данным ВЦИОМ (<http://www.Eurosmi.ru>), в 2011 г. достигла 53%, хотя только годом раньше насчитывала 39%. Такой охват социальными сетями – конечно, шаг вперед в установлении общественной сплоченности.

Четвертый фактор роста материальной обеспеченности – трудовая позиция в успешно развивающихся сферах экономической деятельности. На протяжении всех 2000-х гг. и по настоящее время к таким видам деятельности относятся финансовая сфера, торговля и госуправление.

Статистика свидетельствует о постоянном сокращении объемов высококвалифицированного производительного труда. Численность трудовых кадров в обрабатывающих производствах продолжает уменьшаться: за период с 2000 по 2010 г. на 2 млн 5 тыс. человек. В свою очередь, получают развитие виды деятельности, не ориентированные на производство высокотехнологичного продукта. Интенсивно наращивается численность занятых в торговле. За указанный период количество занятых здесь вышло на первое место в экономике – с 8 млн 806 тыс. до 12 млн 57 тыс. человек, и доля занятых торговлей в России (17,8%) превысила аналогичные показатели всех развитых стран, не поднимающиеся выше 13–14%. Численность занятых в финансовой сфере выросла за данный период на 465 тыс. человек; в сфере госуправления – на 807 тыс. человек [Российский... 2011].

Структурная деформация отечественной экономики в сторону непроизводительных видов занятости сопровождается соответствующим изменением системы оценки труда. Согласно показателям соотношения начисленной заработной платы работников организаций к среднероссийскому уровню (2000–2010 гг.), в экономике страны наиболее высоко оцениваются только те виды деятельности, которые имеют отношение к сырьевым и финансовым ресурсам. Среди них особо выделяются финансовая деятельность (239% от средней зарплаты по стране), деятельность, связанная с добычей топливно-энергетических ископаемых (221%) и производством кокса и нефтепродуктов (198%). Второе место в системе приоритетов государства, согласно размерам начисленной заработной платы, уделяется видам деятельности, главным образом относящимся к развитию сферы услуг. В их числе государственное управление и обес-

печение военной безопасности (120% от средней по стране), операции с недвижимым имуществом (122%), транспорт и связь (122%). Третье место в соответствии с размерами заработной платы, имеющей показатель ниже средних по экономике, разделяют виды деятельности в обрабатывающих производствах (91% от средней по стране), в торговле, ремонте автотранспортных средств и предметов личного пользования (88%), здравоохранении (75%), а также образовании (67%). Наконец, аутсайдером отечественной экономики по уровню оплаты труда является сельское хозяйство (51% от средней по стране) [Труд... 2011].

Распределение численности занятых по видам экономической деятельности с учетом возрастных групп показывает, что молодое поколение россиян чутко реагирует на структурно-трансформационные процессы в отечественной экономике и стремится соответствовать требованиям ее активно развивающихся направлений, в то время как занятость в стагнирующих и проблемных секторах народного хозяйства сохраняется преимущественно за населением старших возрастов. Можно наблюдать в динамике по годам (2000–2010 гг.), как происходит смена возрастного состава у занятых: в 2000 г. наибольшая доля работников финансовой отрасли имела возраст от 40 до 49 лет (35,4%), торговли – от 30 до 39 лет (31%), промышленности – от 40 до 49 лет (32,9%)², к 2010 г. ситуация изменилась. Так, сферы торговли, управления, финансов и кредита стали наиболее привлекательным для молодежи, численность которой сохраняется стабильно высокой и имеет тенденцию к росту. Согласно структуре занятых этими видами деятельности, доля трудящихся в возрастном интервале 20–29 лет стала занимать доминирующее положение в торговле (30,7%), в финансовой деятельности (31,3%), в государственном управлении (28,5%). В свою очередь, за счет доминирующей доли занятых в старших возрастах (40–49 лет) обеспечивается деятельность в сельском хозяйстве (26,9%), рыболовстве (26,4%), добывающих (28,6%) и обрабатывающих производствах (25,8%), в производстве электроэнергии, газа и воды (27,2%). Таким образом, виды деятельности, в наибольшей степени ответственные за производство валового внутреннего продукта и экономическое развитие государства, осуществляются преимущественно старшим поколением [Труд... 2011].

Поскольку образовательные стратегии молодежи обуславливаются ее трудовыми мотивациями, среди которых явным образом превалирует прагматическая, наибольшее число специалистов молодых возрастов, имеющих диплом о высшем образовании, сосредоточено не столько в образовании, науке и высокотехнологичной промышленности, сколько в сфере перераспределения. В этом смысле накапливаемый образовательный капитал не претворяется ни в источник экономического роста, ни в ресурс модернизации. Часто приводимые цифры о широком распространении информационной и мобильной техники, особенно среди молодежи, занятой в обозначенных привилегированных сферах деятельности, выдаются за симптомы модернизации. Однако такая трактовка лишь затемняет дело, поскольку труд в сфере спекулятивных операций на сырьевых и финансовых рынках, а также в сфере управления сырьевой экономикой, хотя бы и осуществляемый с помощью многочисленных гаджетов, вряд ли окажется полезным для модернизационного прорыва страны.

Какие возможности открываются в связи с ростом материальной обеспеченности?

Частично на этот вопрос я ответила. Происходит рост товарного потребления. Раскрытие других возможностей связано с проблемами, и прежде всего касающимися сферы труда. По нашим данным [Аврамова, 2011^а], для 68% занятых работа – лишь источник заработка, она не приносит ни интереса, ни пользы. Неудивительно, что

---

² Несмотря на очевидные расхождения в методологии сбора статистической информации в соответствии с возрастной структурой распределения занятых по отраслям экономики на основе ОКОНХ (2000 г.) и распределения занятых по видам экономической деятельности на основе ОКВЭД (2007 г.).

лишь 14% удовлетворены в целом своей работой [Общественное... 2011]. При этом для того чтобы оказаться в относительно благополучном сегменте рынка труда, до 60% выпускников российских вузов сменили специальность и переучились. Переток специалистов происходит постоянно и имеет одно направление – из производительной в распределительную экономику [Аврамова, 2011⁶]. Этот процесс, который многие эксперты считают совершенно нормальным и связанным со структурными изменениями в экономике, с развитием сферы услуг и “экономики знаний”, по моему мнению, таковым не является. И в силу трудоемкости, а не наукоемкости отечественного сервиса, и в силу заимствования, а не создания новых технологий. Нежелание менять специальность (уходить в “менагеры”) выталкивает людей с достаточно высокоразвитым человеческим потенциалом сначала из провинции с узким рынком труда в столицы, а затем – за рубеж. Те же, кому удалось благодаря обладанию нужными ресурсами занять рабочие места на торговых и финансовых рынках и в сфере управления, объективно мало заинтересованы в инициировании или тем более участии в каких-либо модернизационных прорывах. Пока свою общую неудовлетворенность они компенсируют расширившимися возможностями потребления и проведения досуга, который также часто происходит в форме потребления.

Достаточно ограничены и возможности проявлений гражданской активности, что следует из узких масштабов институционального доверия и пока преимущественно виртуальных форм общественной сплоченности. А значит, и возможности как-либо повлиять на изменение ситуации в сторону ее модернизации не велики. Как можно заключить из вышесказанного, рост, пусть и небольшой, материального благосостояния не симметричен расширению социально-экономических возможностей. При подобном дисбалансе вряд ли можно говорить о том, что современная социально-экономическая ситуация характеризуется стабильностью: она латентно нестабильна и не имеет явно-го общественного стимула к модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврамова Е.М.* Образование как фактор повышения качества жизни // Социально-демографическая безопасность России. Екатеринбург, 2008.
- Аврамова Е.М.* Реализация образовательного капитала на современном рынке труда // Модернизация и экономическая безопасность России. М., 2011^а.
- Аврамова Е.М.* Рынок труда и система образования: трудности перевода сигналов // Общественные науки и современность. 2011^б. № 3.
- Аврамова Е.М.* Тенденции и перспективы наращивания образовательного потенциала // Народонаселение. 2010. № 3.
- Аврамова Е.М., Овчарова Л.Н.* Сбережения населения: перспективы частного инвестирования // Социологические исследования. 1997. № 8.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011.
- Индикаторы образования: 2010. Статистический сборник. М., 2010.
- Итоговый доклад экспертной группы по обновлению Стратегии 2020 (<http://2020strategy.ru>).
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
- Общественное мнение-2008. Ежегодник. М., 2008.
- Общественное мнение-2011. Ежегодник. М., 2011.
- Плискевич Н.М.* Человеческий капитал в трансформирующейся России. М., 2012.
- Российский статистический ежегодник 2011. М., 2011.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2010.
- Труд и занятость в России. 2011. Статистический сборник. М., 2011.
- Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.
- Putnam R.D.* Bowling Alone: the Collapse and Revival of American Community. New York, 2000.